

МИРОНОСИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ.
ВИД СО СТОРОНЫ НЫНЕШНЕЙ УЛИЦЫ СКРЫПНИКА

1

*Погодите оценивать! Глава, в которой
всё выглядит не тем, чем является*

Тремя часами ранее директор вышеозначенного театра громко ругался на крыльце служебного входа. Надпись «День открытых ступней» на афише, а также плакатное «Культурный отдых нам всегда множит силы для труда» по стойкому убеждению страдальца должны были свести его в могилу. И это он еще не заметил сюрреалистичную растяжку на окнах: «Рев ревбалета — наша сила! А лебедей — на мыло!»

— Диверсия, — спокойно констатировал главный художник. — Причем, товарищ Рыбак, диверсия с вашей стороны. Это вы привлекли к оформлению служебных помещений невесть кого.

— Ох, да! Ох, да! — хватался за голову директор. — Но что мне было делать? Не мог же я в канун премьеры

переключать вас на украшение какой-то про-хо-дной... Вы, товарищ Петрицкий, сценограф, а не про-хо-ди-мец, — внезапный каламбур немного примирил директора с действительностью. — Вот почему я могу талантливо играть словами, а они — нет? В городе полчища литераторов, мы вон целый дом отгрохали и ими заселили...

— Ещё не заселили... — все так же флегматично протянул художник. — Котлы отопления не готовы. И, пardonьте, что значит «мы отгрохали»? Партия, конечно, помогла, но все владельцы квартир дома «Слово» в ходе строительства исправно платили паи, причем немалые...

— Простите, — перебил директор совсем не извиняющимся тоном, — я забыл, что вы, Анатолий Галактионович, тоже из этих «словян». Кстати, почему? Вы ведь художник... А, да, пай... В общем, передайте будущим соседям, что во всей столице не нашлось текста для нормального театрального плаката про День открытых дверей.

Сегодня в театре проходил эксперимент. По образцу московского Большого и по совету приехавших оттуда коллег (то есть в совершенно обязательном порядке) перед премьерой балетного спектакля проводились «открытые танцклассы». Любой желающий мог зайти в театр со служебного входа и посмотреть, как занимаются танцовщики перед спектаклем. Задумывалось это как еще один шаг искусства к массам. Но все пошло не так. Все! От противоречащих понятию «искусство» дурных плакатов до того, что в предпремьерной суматохе забыли кинуть ключ по профсоюзам, и на танцклассы собрались лишь журналисты и вездесущие театральные завсегдатаи, которые к «массам» не имели никакого от-

ношения. К тому же задача «сделать балет понятней простым людям» отвлекала артистов, и грандиозная премьера могла провалиться.

— Зачем? Зачем я только согласился на эти глупые нововведения? — всхлипнул директор Рыбак.

— Струсили, — невозмутимо ответил Петрицкий. — Не смогли отказать покровительствующей инстанции. С кем не бывает?

— Р-р-р! Умеете вы, Анатолий Галактионович, утешить впавшего в отчаяние коллегу, — не выдержал Рыбак. Потом поднял голову, с тоской вчитался в растяжку на окнах и чертыхнулся: — Ч-черт! Полный театр разгильдяев! Пойду убью кого-нибудь, может, полегчает..

* * *

Внутри на проходной тем временем царила куда более воодушевляющая атмосфера.

— Грандиозная идея! Легендарная! Неповторимая! — твердила публика на разные голоса. Людей пришло не так уж много, но узкая лестница, ведущая на второй этаж к танцклассам, с потоком не справлялась. Образовалась давка.

— В толкотне, да не в обиде! — авторитетно подбадривал окружающих стриженный ежиком мужчина с повязкой «Корреспондент» на рукаве. — Ничего! Скоро любителям балета не придется тесниться, как сельдям в бочке! Я уже видел подписанный проект! Не сегодня, так завтра город начинает строительство «Театра массового действия». — Рассказчик широко расставил руки, изображая масштабы будущего заведения. — В нем будет и театр, и кинотеатр, и даже цирк! Оперно-балетная труппа обретет, наконец, нормальные примерные

и репетиционные. Зрительный зал вместит, цитирую, «2200 человек живого зрителя»!

— Это так бездушно! — вмешался старческий голос. — Мешать все в кучу можно только в ущерб атмосфере. Гардероб оперного театра и раздевалки в цирке не могут быть одним и тем же местом! А буфет? Хотите, чтоб пирожные с балетного антракта пахли дешевой колбасой из бутербродов кинотеатра? Фи!

— Я лично, может, не хочу. Но архитектор Бекетов считает, что смешение ничего не испортит, — ловко прикрылся чужим авторитетом корреспондент. — Понимаете, дореволюционный бекетовский проект нового оперного театра старые власти откладывали-откладывали, жадничали, как могли... А новые — оп! — и подхватили. Задачу подправили согласно текущим потребностям и выставили на конкурс для доработок. Причем старика, несмотря на его в обед 70 лет и неподходящее происхождение, к конкурсу тоже допускают.

— О! Раз бекетовский проект, то я на все согласна. Мастер, бесспорно, знает толк... Но, позвольте, где же будет стоять этот новый театр?

— Да практически тут. По ту сторону Карла Либкнехта. Вместо Мироносицкой церкви. Приказ о ее сносе тоже уже подписан.

Как типичный диалог в очереди, разговор сопровождался регулярным продвижением толпы на полшажка вперед и постепенно удалялся.

— А вот церковь жаль, — пряча лицо за вспышкой, прокричал вслед переместившимся на лестницу фотограф. — Не как учреждение, конечно, а как память. Черт знает что! Только я смирился, что трамвайщики добились решения о скором сносе Николаевского собора, он